

геліемъ, которое разумѣлось подь „виноградомъ“, а не на амвонѣ и „изря къ народу“, какъ у насъ, причемъ подь «виноградомъ» разумѣются предстоящіе).

Великій входъ совершался такимъ образомъ. Впереди одинъ изъ діаконовъ несъ омофоръ съ изображеніемъ креста, за нимъ шли свѣщеносцы, копыеносцы и прочіе діаконы попарно (стр. 241), архидіаконъ несъ божественнаго агнца, пресвитеры же держали крестъ, лжицу и пустые сосуды, если много было служащихъ (стр. 296, 385, 728) Со св. дарами священнослужители проходили *весь храмъ* (въ нашемъ служебникѣ имѣется замѣчаніе въ этомъ же смыслѣ). При прохожденіи храма на входѣ священнослужители производили только молитву о народѣ. Солунскій не приводитъ ея. Извѣстная по другимъ памятникамъ, она представляла собой ничто иное, какъ нынѣшнюю послѣднюю молитву при поминовеніи вѣрующихъ на великомъ входѣ. Смыслъ поминовенія *на входѣ* вѣрующихъ былъ тотъ, что священнослужители со св. дарами проходили посреди нихъ. Количество чтеній молитвы о вѣрующихъ зависѣло отъ продолжительности совершенія входа. Дальнѣйшее послѣдованіе архіерейской литургии въ греческой церкви конца XIV и начала XV в. не представляло какихъ-либо крупныхъ особенностей по сравненію съ теперешнимъ ея чиномъ.

А. Казанскій.

Рѣчь въ день столѣтней годовщины со дня рожденія поэта А. С. Пушкина (26 мая 1899 г.—26 мая 1799 г.)¹⁾

Сто лѣтъ тому назадъ древне-престольный градъ Москва повила пеленами младенца Александра, которому суждено быть великимъ русскимъ поэтомъ. Благодарное потомство, объемяющее человѣколюбіемъ не только живыхъ, но и от-

¹⁾ Произнесена предъ панихидою по покойномъ въ домовой Алексіево Сергіевской церкви Саратовскаго училища.

шедшихъ уже въ небесныя жилища, издавна съ особенною любовію и уваженіемъ чтить т. н. юбилейные дни рожденія и кончины великихъ людей, когда оно, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, болѣе способна по достоинству оцѣнить заслуги ихъ въ той или другой области человѣческой жизни. Слѣдуя этому древнему, хорошему обычаю, и благодарная Россія сегодня—въ день столѣтней годовщины со дня рожденія великаго поэта—стремится выразить всю силу любви своей въ одному изъ лучшихъ сыновъ своихъ. Силою своего генія, въ художественныхъ произведеніяхъ своихъ онъ, дѣйствительно, воздвигъ себѣ памятникъ—нерукотворенный, вѣчный, да вѣчный, насколько вѣчно что-либо въ подлунной. Вліяніе его, какъ и вообще вліяніе всѣхъ поэтовъ и мыслителей, простирается во всѣ концы земли, живетъ и переживетъ вѣка и тысячелѣтія. Достаточно вспомнить, напримѣръ, что по произведеніямъ его, читая и изучая ихъ, воспитывается во всѣхъ школахъ современное намъ учащееся юношество!

Воспитательнаго вліянія за искусствомъ вообще и поэзіей въ частности не отрицаетъ и христіанство. Человѣкъ нуждается и между прочимъ въ разумныхъ и чистыхъ удовольствіяхъ, предохраняющихъ его въ минуты отдохновенія отъ всего грубаго, чувственнаго и дѣйствующихъ на душу его возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ. Особенно важное воспитательное значеніе для насъ имѣютъ художественныя словесныя произведенія, раскрывая предъ нами въ поэтическихъ жизненныхъ образахъ міръ возвышенныхъ идей истины, добра и красоты. Вотъ почему и православная церковь всѣмъ всероссійскимъ соборомъ чтить сегодня память великаго поэта молитвеннымъ поминовеніемъ его.

Онъ былъ сынъ Отца небеснаго, какъ и всѣ мы, но сынъ особенно любимый, потому что необычайно одаренный. Правда, свои великіе прирожденные дары, дары Отца небеснаго, поэтъ расточалъ иногда, особенно въ первые юные годы.

безумно, уклонившись, подобно юному сыну въ евангельской притчѣ, отъ праваго пути къ небу—на страну далече, на служеніе, выражаясь глубоко знаменательныиъ библейскимъ языкомъ, плотскому, душевному человѣку, который воюетъ противъ человѣка духовнаго. Да не подумаетъ кто, что симъ сопоставленіемъ съ заблудшимъ сыномъ Евангельской притчи хотимъ оскорбить память поэта. Напомнимъ вамъ, что и самъ поэтъ сопоставляетъ себя съ евангельскимъ блуднымъ сыномъ, что вотъ онъ — „какъ отрокъ библии, безумный расточитель, до капли истощивъ раскаянья фіаль, увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель, главой поникъ и зарыдалъ“... „Мнѣ стыдно, пишетъ онъ, идоловъ моихъ“. Указывая на это признаніе и раскаяніе, одинъ изъ знаменитыхъ русскихъ церковныхъ витій¹⁾, въ церковномъ словѣ своемъ въ одномъ изъ дней молитвеннаго поминовенія покойнаго поэта прииъняетъ эту чудную Евангельскую притчу къ жизни и трудамъ его и раскрываетъ намъ картины этой жизни, освѣщая какъ всѣ грѣхопаденія его, такъ и раскаяніе, возрожденіе и всѣ доблести его. Въ настоящія минуты служителю слова Божія весьма отрадно отмѣтить тѣ духовныя стихотворенія поэта, которыя написаны имъ въ моменты нравственнаго возрожденія его духа. Стихотворенія эти самыя чистыя и самыя возвышенныя созданія его поэзіи, вызывающія на глубокое раздумье. Вспомнимъ, напр., поэтическое переложеніе его великой молитвы Ефрема Сирина: Владыко дней моихъ!—взываетъ онъ—Духъ праздности унылой, любоначальія и празднословія недай души моей. Но дай мнѣ зрѣть моль, о Боже, прегрѣшенія, да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія, и духъ смиренія, терпѣнія, любви и цѣломудрія—мнѣ въ сердцѣ оживи!—Въ чудныхъ стихахъ своего пророка поэтъ высказываетъ возвышенную мысль о назначеніи поэта—подобно пророку— „исполниться волей Бога и, обходя

¹⁾ Архіепископъ Никаноръ Одесскій. Поученія, бесѣды и рѣчи т. 1, стр. 230.

моря и земли, жечь своимъ глаголомъ сердца людей“, т. е. обличать зло и насаждать въ сердцахъ людей любовь къ Богу, къ истинѣ, добру и красотѣ! И дѣйствительно, въ какомъ сердцѣ не возбуждать добрыхъ чувствъ тѣ поэтическіе жизненные образы великаго поэта нашего, въ которыхъ такъ художественно воплощаетъ онъ лучшія стремленія человѣческаго духа. (Вспомнимъ, напр., отца Пимена изъ Бориса Годунова, Кочубея изъ поэмы Полтава, въ темницѣ ожидающаго отшельника святаго, служителя за насъ распятаго Христа!) Эти и другія стихотворенія свидѣтельствуютъ о томъ, что въ сердцѣ великаго русскаго поэта всегда жило и религіозное чувство. Истину эту подтверждаютъ и его біографы. Вотъ что, напр., говоритъ о немъ одинъ ближайшій и умнѣйшій другъ его (кн. Вяземскій) „онъ имѣлъ сильное религіозное чувство, читалъ и любилъ читать Евангеліе, былъ проникнутъ красотой многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто читалъ ихъ, — изучалъ четіи-минеи и прологи, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія“ ... Однажды поэтъ выразилъ въ печати удивленіе, что многіе образованные люди не имѣютъ понятія о жизни того святаго, имя котораго носятъ. Въ бесѣдѣ съ однимъ великимъ русскимъ мыслителемъ (А. С. Хомяковымъ) о значеніи религіи вообще, покойный поэтъ высказалъ свое убѣжденіе, что религія создала все, что было великаго въ области искусства и литературы съ самой глубокой древности, что религіозное чувство такъ же прирожденно человѣку, какъ и идея красоты, вмѣстѣ съ идеей добра. Кто написалъ пророка, не могъ мыслить иначе.

Отрадно вспомнить и то, что печальный конецъ своей жизни А. С. Пушкинъ загладилъ глубоко-христіанскимъ настроеніемъ при отшествіи въ вѣчность, какъ весьма трогательно повѣствуетъ объ этомъ присутствовавшій при его кончинѣ другой знаменитый поэтъ нашъ (В. А. Жуковскій). Въ послѣдніе часы своей жизни покойный имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующую собственноручную записку отъ Импе-

ратора Николая Павловича: „если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощенье и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій“. Глубоко тронутый словами сими, покойный произнесъ своему другу слабымъ, но явственнымъ голосомъ: „скажи Государю, что мнѣ жаль умереть: былъ бы весь его. Скажи, что я желаю ему, долгаго, долгаго царствованія, желаю ему счастья въ его сынѣ, въ его Россіи“. Затѣмъ былъ приглашенъ священникъ, и покойный съ чувствомъ глубочайшаго смиренія и благоговѣнія исполнилъ христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія! На вопросъ одного изъ друзей поэта: не поручить ли онъ ему чегонибудь, въ случаѣ смерти, касательно виновника его преждевременной кончины, отвѣчалъ: „требую, чтобы ты не мстилъ ему за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ“.

Таковъ былъ конецъ величайшаго поэта.

Былъ онъ, дѣйствительно, любимый сынъ Отца Небеснаго, былъ въ жизни сынъ заблуждающійся, а въ тяжкій часъ смерти—сынъ кающійся. Родился онъ христіаниномъ, христіаниномъ отошелъ и въ жизнь вѣчную, примиреннымъ со Христомъ и церковію. Кончиною своею онъ даетъ всѣмъ, чтущимъ талантъ его, послѣдній, глубокознаменательный, высоконравственный урокъ. О если бы подражатели великаго поэта въ его поэзіи послѣдовали за нимъ и въ стремленіяхъ его къ нравственному возрожденію по высочайшему, безупречно чистому идеалу Христова Евангелія,—въ его искреннемъ и глубокомъ раскаяніи въ послѣдній смертный часъ жизни,—и въ христіанской кончинѣ, по примѣреніи съ Богомъ, совѣстію и ближними! Его глубоко-назидательный примѣръ пусть убѣдитъ cadaго, что высокому, всеобъемлющему духу трудно выдержать безусловное отрицаніе до конца, особенно-же въ дни тяжелыхъ испытаній и въ предсмертные часы, при переходѣ изъ этого міра въ загробный; трудно не по малодушію, а на непререкаемому требованію челоѳической природы.

Что сказать о чествованіи памяти поэта въ настоящій день и о семъ молитвенномъ собраніи нашемъ? Слѣдуя обычаемъ свѣта, благодарная Россія стремится выразить всю силу любви своей и признательности любимому поэту въ обычныхъ принятыхъ въ общежитіи, способахъ и формахъ выраженія сочувствія и благодарности.—Сколько, напр., похвальныхъ словъ великому поэту скажутъ нынѣ люди науки, литературы и искусства! Это и достойно похвалы.—Но что *ему* теперь въ этихъ похвальныхъ словахъ. Онъ предстоитъ теперь суду Божію—страшному и нелицепріятному и какъ, быть можетъ, самъ желаетъ теперь, чтобы многія дѣла его, кажушіяся похвальными предъ очами людей, покрыты были предъ очами правды Божіей завѣсою Милосердія! Лучшею наградою поэту послужить теперь усердная молитва наша объ упокоеніи души его въ селеніяхъ праведныхъ. Помолимся же о томъ, чтобы всеблагій человеколюбецъ Богъ простилъ почившему всякое согрѣшеніе, содѣянное словомъ или дѣломъ или помышленіемъ: яко нѣсть человекъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ,—и да учинитъ душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная!

Священникъ С. Ильменскій.

Скромное торжество въ селѣ Подъячевкѣ, Сердобскаго уѣзда.

23 мая 1899 года въ селѣ Подъячевкѣ, Сердобскаго уѣзда, происходило скромное торжество, состоящее въ поднесеніи иконы Святителя и Чудотворца Николая, Архіепископа Мурликійскаго, предсѣдателю церковно-приходскаго попечительства при Николаевской церкви села Подъячевки Сердобскому купцу Прокоцію Никанорову Муругову отъ прихожанъ означенной церкви. Много сдѣлано для благоустройства храма означеннымъ лицомъ. Въ теченіе по-